

Куда идти, когда вокруг расстилается серая мгла? Когда давление жизни становится невыносимым и тяжесть твоего существования раздрает душу. Старики давно нашли верный путь – они уходят в детство. Детство – эта пора, когда ты ещё не осознал, что ты есть и что есть этот мир для тебя – это лёгкое счастье непознанного зла. Я помню это ощущение полёта и до сих пор ощущаю горечь неизбежного падения. Я закрываю глаза и врубаю кассету своей жизни. Воспоминания, словно волны, захлёстывают меня, и вот я уже не я, а маленький мальчик. В груди теплеет, становится уютно и безопасно. Я вижу свою маму, в то время она пахла весной, а в глазах плескалась нежность. Она улыбалась мне и крепко обнимала. Её любовь казалась бесконечной, хотя иногда она сердилась и жаловалась отцу на моё странное поведение. Я всегда искренне не понимал, почему она злилась, я действительно, как мне казалось, не делал ничего плохого. Однако мы с отцом были объединены в тайный союз, и он всегда оказывался на моей стороне.

Отец был высоким и очень спокойным. Он частенько с заговорщицким видом улыбался и подмигивал мне так, будто у нас был общий секрет. Видел я его редко – два, а то и один раз в день, он много работал, но и много зарабатывал, благодаря чему мы жили в большом красивом доме, а мама могла заниматься мной. Когда у отца наконец выпадали выходные, мы обязательно шли на долгую прогулку или на мультики. На улице папа всегда носил тёмные очки, и мама часто подсмеивалась, что он вечно, как тайный агент.

Папа купил очки и мне. Я не понимал, как мама может ходить на солнце без них, ведь глазам ужасно больно, а маме не нравилось, что мы везде таскались в очках, но с папой она спорила очень редко. Отец любил философствовать и часто за ужином садил меня рядом и вещал какие-то неясные тогда мудрости, но мне нравился его голос и то, что он говорит со мной как со взрослым, и я многозначительно кивал, будто понимал всё. Ужинали мы всегда весело – за

столом царили непринуждённость и беспечная болтовня. В общем, жили мы тогда, как образцовая семья, жили хорошо.

Хотя у родителей иногда бывали разногласия насчёт моего воспитания, и порой я слышал их негромкие дебаты.

– Ты знаешь, он ведёт себя странно! Вчера мы гуляли по парку, там продавались шарики разноцветные, красивые такие, я предложила ему выбрать какой-нибудь. И знаешь, какой он выбрал? Чёрный! – обеспокоенно говорила мама. – Он не любит гулять в солнечные дни, рисует вечно мрачные картинки, у него друзей нет. Я не хочу, чтоб мой сын был странным, его надо сводить к психологу. Почему ты упрямисься?

– Нет, – твёрдо отвечал отец. – Мой сын не будет мотаться по врачам. Успокойся, я в детстве был точно таким же, он израстёт, вот увидишь. Я же нормальный, а он... Ты же видишь, как мы похожи? – мягко внушал отец. Мама уступала.

И снова летели дни в ласке и заботе, шурша мягкой тенью, тихо проходящие мимо, не оставляющие за собой ничего, кроме ощущения надёжного постоянства.

Но однажды в моём тщательно охраняемом родителями мире возникла лестница, которая вывела меня в безжалостный мир взрослых. Цепь событий была запущена, и я угодил в ловушку, из которой выбрался тем, кем стал сейчас. И здесь ничего не поделаешь, такова жизнь.

Помню, как поползли первые волны страха. В нашей округе завёлся маньяк, по телевизору его называли мясником, потому что своих жертв он забивал топором. Мама была напугана и делилась этим за ужином с папой. Я видел, как его щека дёргалась. Он настороженно слушал испуганную маму, но потом встал, обнял её и уверенно сказал:

– Не беспокойся, милая, тебе ничего не грозит!

Мама вымученно улыбнулась, сделала вид, что верит ему, но было заметно, что это не так.

А верить стоило, мой отец знал, о чём говорит, и если он сказал, что ей ничего

не грозит, то ей ничего не грозило.

Маньяк охотился уже три месяца, за это время от его рук погибли три человека, убийства происходили ночью. Весь город стоял на ушах, люди боялись.

В детстве, наверно, у каждого есть особое место. Такое место у меня было на чердаке. Однажды я там играл, воображая себя героем, который схватывает злодея маньяка. Мама и папа восхищаются, и все радостно аплодируют... Но тут мою игру прервал дикий крик, кричала мама. Я побежал вниз посмотреть и успел к финалу моей счастливой семьи.

Мама сидела на полу папиного кабинета перед открытым шкафом, в руках она держала топор, который светился ярким прекрасным светом. Такого красивого топора я ещё в жизни не видел. На полу лежали папины штаны, и на них тоже были яркие пятна... прекрасные, красивые пятна.

Мне так хотелось подойти поближе, но мама плакала, и вид у неё был такой расстроенный. Я тогда первый раз видел, как плачет мама.

Папа стоял перед ней, виновато опустив голову и сжимая кулаки. Всё в нём выдавало напряжение и страх. Он просто молча стоял и почему-то не утешал.

– Это ты! – сквозь всхлипы произносила мама. – Нет, скажи, что это не ты?! Зачем? Как ты мог?!

Нет, ты не мог, только не ты! – бессвязно бормотала она, но потом подняла вдруг глаза на отца и потребовала:

– Скажи правду!
– Я... прости меня.
– Ты?!

– Да, – с усилием выдавил он. – Ты должна понять...

Мама пронзительно закричала.

Этот крик – самое страшное, что я когда-либо слышал, и я убежал к себе на чердак. Я лежал там и плакал, не понимая, что случилось, но внутри меня росло осознание происходящего кошмара.

Через некоторое время ко мне поднялся отец. Отец плакал. Он усадил меня рядом, как обычно, и мы долго сидели молча, слыша, как, где-то внизу, всхлипывает мама.

– Почему так вышло? – Эти слова выпали у меня сами собой. Не знаю, откуда в шесть лет я взял такой правильный вопрос.

– Потому, что я проиграл. Я очень люблю твою маму и тебя. Я сделал много ужасного в жизни, но вас я люблю. Я хочу, чтобы ты помнил одну вещь, ты

должен бороться. Я проиграл свою войну и потерял всё. Это будет страшная борьба, борьба с собой, но ты должен победить ради матери и своего будущего. Обещай мне?

– Обещаю, – прошептал я.

– Вот и хорошо. Я знаю, когда ты вырастешь, ты меня осудишь и будешь стыдиться, что я твой отец, но я всегда буду вас любить, только вас с мамой, вы были единственным светлым пятном в моей серой жизни.

Он встал и повернулся к двери.

– Папа, я тебя не осужу, – прошептал я.

Не знаю, услышал он мои слова или нет, но я своё слово сдержал.

Вечером к нам пришёл полицейский. Он траурно сообщил, что моего отца нашли мёртвым, предположительно, он застрелился. Папа оставил письмо полиции, где признался в убийстве пяти человек и чётко описал, как он это сделал. Полицейский сказал, что, возможно, папу подставили и что будет проходить следствие.

– Пристрелил себя, как бешеного пса, жаль, что он не сделал этого раньше. – В голосе мамы скрипел металл, никогда я прежде не слышал, чтобы её голос звучал так жёстко и колоче. Она проводила полицейского к сияющему топору и пятнам на папиной одежде.

– Я нашла это сегодня утром при уборке его кабинета, думаю, этих улик вам будет достаточно.

Это была первая ступень, ведущая меня к взрослению.

С тех пор я почти каждую ночь слышал, как мама всхлипывает в подушку. Иногда я насмеливался и приходил к ней, она меня обнимала, и мы засыпали вместе.

Мне шёл седьмой год, пора было готовиться к школе, меня отвели к психологу, и он стал показывать мне карандаши и спрашивать, какого они цвета. Цветов я не знал, мне они казались все одинаковыми. Психолог билась со мной где-то около часа, пытаясь объяснить, что один карандашик зелёный, другой – красный, третий – синий, но я оказался крепким орешком и таки вывел её из себя. Она сказала матери, что я или умственно отсталый, или дальтоник, и направила меня к офтальмологу.

Кажется, маме было бы куда проще, если бы я был умственно отсталым, диагноз перепугал её до смерти. Оказалось, что я вижу мир не так, как все. Врачи выявили у меня ахроматопию, иначе цве-

товую слепоту. Другие люди видят много цветов, а я только чёрный и белый. Это объясняло, почему я не любил солнце и в сумерках видел намного лучше, чем днём... А ещё это говорило, что я сын своего отца, так как он страдал тем же заболеванием. Он тщательно это скрывал от всех, и правда всплыла только после его смерти.

После посещения офтальмолога мама не разговаривала со мной два дня, так что я чувствовал себя виноватым, очень виноватым. Я до сих пор чувствую вину. Это как проклятие.

Это вторая ступенька к моему взрослению.

Мы переехали – большой дом нам теперь был не по карману. Отец оставил кое-какие деньги, и в целом при размеренной жизни маме можно было протянуть довольно долго, не работая и не заботясь о финансовом благополучии.

В честь переезда мама купила мне велосипед, и я, как всякий уважающий себя ребёнок, севший первый раз на двухколёсное чудо техники, благополучно с него навернулся. Я сильно расшиб коленку, и мне было больно, но, взглянув на рану, я забыл о боли, забыл обо всём на свете.

Это было как чудо. Моё колено сияло, переливалось, из него сочилась восхитительного цвета жидкость. Мама кинулась ко мне и, осмотрев мою ссадину, будто не видя, насколько она прекрасна, закрыла её бинтом.

Я много думал и вспомнил, что на топоре и одежде отца видел такой же цвет. Это цвет крови, красный цвет. Я не знаю, как его видят остальные, но меня поразила его прелесть.

После затянувшейся коленки я мечтал ещё раз увидеть эту краску. Маме я ничего не сказал, но с тех пор я любил пускать себе кровь. Для этого я приобрёл маленький ножичек и делал лёгкие надрезы на руках и ногах.

Так продолжалось несколько лет, пока мама не раскрыла эту тайну. Я по неосторожности резанул вену и чуть не умер. При осмотре врачи нашли многочисленные шрамы на руках и ногах, и мне пришлось сознаться. Мать была в ужасе.

С тех пор пошли еженедельные посещения психиатра.

С тех пор мама лишь притворялась, что любит меня.

В её любовь верили все: врачи, её новые ухажёры, но я видел её насквозь. Я видел, как сильно она боится меня.

Больше она ни разу меня не обняла, ни разу не спела и не поговорила со мной по душам. Я стал для неё непосильной ношей, и она часто в сердцах говорила: «Ты такой же, как твой отец!» Сравнение, согласитесь, не самое лестное,

когда твой отец маньяк-убийца.

Это третья, последняя ступенька к взрослению. Мне было девять.

В одиннадцать мама снова застала меня за пусканием крови. И как она прознала, что я возобновил это дело? Так я первый раз попал в это самое страшное место на земле.

В психиатрической лечебнице я провёл месяц, и это был ад. Мало того что мне приходилось разговаривать с психиатрами, которые явно были главными психами в этой богадельне, так меня ещё и обкалывали такой химерой, что я чувствовал себя как овощ. Ходил как в тумане и ощущал жуткую пустоту. Там все так ходили – маленький зомби-апокалипсис. Да и вообще, честно сказать, мне было страшно. Вокруг были типы, говорящие сами с собой или ковыряющие в носу и евшие свои козьяки... А по ночам многие плакали.

Из этого заведения я вынес не выздоровление, а понимание того, что в жизни, если ты отличаешься от основного стада, значит, ты их вечная жертва. Чтобы тебя не сожрали, надо притворяться, что ты такой, как все остальные. И я успешно разыгрывал роль нормального человека, однако еженедельное наблюдение психиатра пришлось терпеть ещё шесть лет, пока и тот не написал в своём заключении – здоров.

В доме появился отчим. Если сравнивать его с другими мамиными хахалями, этот был не так уж плох. И хотя мне было противно, но я молчал. Я вообще предпочитал молчать, говорить мне с каждым годом становилось всё трудней. Не потому что я слова в предложениях связать не мог. Просто слова – это такая вещь, ими обмениваться можно только с теми, кто тебя понимает и любит, а с остальными говорить – зря тратить время.

Вскоре у меня родилась сестричка Аня. Я снова увидел на лице матери нежность и любовь, но обращённому к маленькому, вечно кричащему комочку.

Я не ревновал. Тогда у меня уже хватало мозгов понимать, что девочка не забирала у меня любовь матери. Её давно уничтожили я и мой отец.

Обидно было другое: мама настаивала всякий раз, стоило мне подойти к сестре. Она ни разу не дала мне её поддержать и не оставила со мной без присмотра, и взгляд у неё был вечно такой, будто я людоед, который сожрёт мальшку при любом удобном случае.

Со всей обидой, на какую способен подросток, мне порой очень хотелось сделать что-нибудь действительно гадкое, просто назло всему миру. И много вынашивалось жутких планов мести,

но всякий раз, видя крошечные ручки сестрёнки, я понимал, что ни за что не сделаю ей больно и не подвергну её опасности. Каким бы зверем меня ни считали, я не мог этого сделать.

Отчим сначала противно заискивающий, пытающийся добиться моего расположения, чтобы укрепить связь с мамой, вскоре просёк фишку и заразился её ужасом.

С одной стороны, было комично смотреть на двоих взрослых людей, трепещущих от худого мальчика-подростка, который даже и не говорил с ними. За столом обычно гремела тишина, и порой я видел, как у мамы дрожали руки, а у отчима дёргался глаз.

Достоинством этого мужика было то, что он работал дальнбойщиком и частенько сваливал в командировки. Я видел в глазах матери мольбу, когда он уезжал, я знал, как она боится оставаться со мной и девочкой в квартире.

Разлад с матерью усиливался год от года, и я часто уходил прогуляться после её истерик, мне нужен был кислород.

Одна ссора особо запала мне в душу. Точнее, не сама ссора, а то, к чему она привела. Она привела меня к себе. Это был знак, который лёг на мою душу бесконечным чувством вины и страшным осознанием, кто я. Помню, как сейчас: я выбежал на улицу в ужасном гневе. Я гулял всю ночь, но злость не утихала. Серый мир давил своим однообразием, улица застыла в своём мрачном одеянии и, казалось, душила меня, погребая под своей тусклой краской мокрого асфальта. И мне до боли хотелось увидеть кровь, только она могла блеснуть своим светом и рассеять эту тьму, что сдавливала виски. В голове упрямо крутился дурацкий стишок:

Дайте автомат мне в руки,
Я страдаю от ужасной муки.
Этот серый скучный мир
Я бы кровью окропил.

Я рассеянно поднял глаза и увидел птицу, похожую на голубя, но не серую, как обычно, а белую, яркую. Она сияла своей белизной, и от её вида у меня что-то защемило в душе.

Это меня разозлило ещё больше.

Я взял камень и со всей силы швырнул его в летящую птицу... И попал.

Она упала.

Тут же пьянящая злость рассеялась. Мне стало как-то не по себе.

Я медленно подошёл к голубю. Я попал в глаз, из него сочилась кровавая слеза.

Птица была мертва. Я убил её.

Вид красного на белом был невыразимо прекрасен. Я испытывал смешанные чувства: восторг, который мне противен, жалость и отчаяние. Я убил. Я – убийца, как отец!..

Меня пробил холодный пот, на глаза навернулись слёзы. Но я не мог оторваться от птицы. Её вид меня заворожил. Она – совершенство, и я её сгубил...

В голове пульсировала боль. Я взял на руки несчастное создание, испытывая к себе глубокое отвращение. У неё могли быть птенцы, может, она тоже чья-то мать...

Птичку я закопал. А в себе откопал отца... Того, кто может убить невинное существо. Того, кто может этим наслаждаться. Больше на мать я не злился и даже в мыслях не попрекал в несправедливости, она была права, во мне сидел зверь.

На счастье своей семьи, дома я практически не бывал. Учился я в закрытом частном интернате, как уверяла мама, в самом престижном месте, но главное его достоинство было всё-таки в том, что домой отпускали лишь на выходные и на каникулы.

Я ненавидел эту школу. Думаю, возможно, мне и удалось бы в ней вполне сносно существовать, если бы кто-то не растрепал о моих еженедельных посещениях психиатра и о преступлениях моего отца. Все уверовали в то, что я псих, такой, как мой отец. Страхом вело от всех учителей и учеников, все меня сторонились. Я стал изгоем.

Иногда со мной перекидывались парой слов, но близко никто не общался. А после стычки с одним выпендрёжником, который всё время задирали меня, я вообще превратился в невидимку.

Парень был лидером и всем хотел показать свою правоту, начистив рожу неугоднему психу, не желающему признать себя его слугой. Знаете, когда ночью вас волокут в туалет с десяток натренированных ребят, и у психов моча к штанам подстывает. Но, как оказалось, всем им было намного страшнее, чем мне.

Дрались один на один: группа поддержки выслуживалась перед своим боссом. Мы стояли друг напротив друга, и в моей голове промелькнула мысль, что, если я проиграю, я не просто буду сумасшедшим, а дурачком, над которым можно будет издеваться всем. И я сжал кулаки.

Парень медлил с нападением, видно, моя репутация всё-таки его пугала, и я со всего маха лупанул его в лицо. Из носа его брызнули искры, и я в восторге замер.

Моя восхищённая улыбка была слегка не к месту, и ребята в испуге, с криками о том, что я реально псих, кинулись врассыпную, бросив своего королька.

Тот зажимал нос и испуганно смотрел на меня.

Я с усилием отвёл взгляд от волшебных капелек, стекавших с его лица, и пошёл спать.

Больше ко мне не лезли, в смысле вообще даже не разговаривали, сторонились, как прокажённого.

Думаю, понятно, что чувствовал я себя паршиво. Мне было одиноко до одури, и единственный, кто мог бы меня понять на этой чёртовой Земле, единственный, кто любил бы меня таким, какой я есть, был мой отец, который догадался поручить людей на кусочки, чтобы извлечь из них красоту. Мне его ужасно не хватало, и иногда я разговаривал с ним, как если бы он не пустил себе пулю в лоб.

А всё же спасли меня от окончательного помешательства именно книги, я нашёл способ общаться с людьми, и не с обычными дегенератами, а с избранными умниками этой планеты. Именно книги сформировали меня как личность.

Школу я окончил с тремя четвёрками, но зато ЕГЭ по всем предметам сдал почти на сто баллов, с такими результатами, даже если бы в аттестате были все тройки, я мог поступить куда угодно.

Надо было думать, кем я хочу стать в жизни. Я помнил, что обещал отцу, и меня всегда привлекала медицина. Именно практическая часть. Я ощущал, что именно хирургия даст выход некоторым моим желаниям и вместе с тем искупит вину. И мою, и его...

Однако мама не одобрила мой выбор. Дома разгорелся скандал, она кричала, бросая в меня проклятиями. Я, как обычно в таких случаях, сидел, опустив голову, и слушал её.

– Врач – ты?! Ты не можешь быть врачом! И как ты этого не понимаешь?! Ну скажи хоть слово! Что ты молчишь?! Ты совсем озверел?! Такой же, как твой отец, такой же, как и он, зверь!

Я сидел, опустив голову, слова застряли в горле. Мне отчего-то было трудно дышать, я встал и ушёл. Я слышал, как она кричит вслед, чтоб я вернулся и мы поговорили, но я ушёл и гулял всю ночь, а утром подал документы в медуниверситет, находившийся в другом конце страны.

Я поступил и через месяц уже ехал во Владивосток, подальше от всего этого дерьма. Мне дали общагу, я учился и подрабатывал на скорой. Учиться оказалось ужасно тяжело, и я выматывался, что было для меня спасительным, так как ощущать себя чудовищем не

особо приятно, прямо скажем.

От матери я получил только одно хорошее письмо на третьем курсе, где она говорила о том, что отец отдельно оставил мне небольшую сумму и по достижении двадцати одного года я могу пользоваться своим счётом.

Я снял маленькую квартирку, но подработку не бросил, с ней было проще существовать.

За время учёбы у меня даже появился приятель. Не в меру общительный и вёрткий. Мы с ним вполне подходили друг другу, так как я говорить не любил, а слушать его мне нравилось.

Были и девушки, я их не очень отличал меж собой. Они то приходили в мою жизнь, то уходили, и когда уходила одна и приходила другая, я не ощущал разницы. Все они были совершенно неразличимы, сначала одинаково ласковы и услужливы, а потом обращались в мегер, вечно требующих от меня что-то, и в итоге уходили. Кажется, многие из них меня даже любили и пытались излечить, исправить, сделать таким, чтобы я подходил под их стандарты.

Вообще я думаю, девушки – это странные создания. Их привлекала ко мне аура таинственности, они рисовали на мне свой идеал, но потом эта же таинственность их отталкивала. Мечта и реальность не совпадали, и я оказывался виноват в том, что они обманулись во мне, хотя ни одной из них я ни разу не соврал.

Я научился контролировать эмоции, которые вызывала у меня кровь. Мне часто приходилось теперь иметь дело с кровью, и показывать, что я к ней неравнодушен, было бы излишне.

Но однажды я всё-таки не выдержал и спёр из банка крови несколько пакетиков. Я слетел с катушек, прямо скажем, и так появились мои первые картины. Я рисовал кровью, и это являлось таким счастьем, что мне не было стыдно, как бы безумно это ни казалось со стороны.

Картины... Я мог смотреть на них часами, какие яркие и светлые они были.

Однажды ночью ко мне припёрся мой единственный приятель и попросился ночевать. Пускать его мне категорически не хотелось – повсюду были картины, но и на улице зимой оставить я его не мог.

– Слушай, давай я тебе дам деньги на номер, – предложил я.

– Да брось! Такое ощущение, что ты трупак дома хранишь... Впускай. – И он внаглую заперся ко мне.

Осмотревшись, он, конечно, обнаружил картины и долго ошалело на них таращился.

– Ого, да ты самый настоящий псих!

От этих слов я напрягся и уже хотел

спитый приятеля с лестницы, но в его голосе слышалась скорее шутка, чем привычный мне страх, а затем он расплылся в улыбке.

– Знаешь, конечно, мурашки у меня по коже побежали. Надеюсь, ты не как Парфюмер, девушек ради творчества не кромсаешь. Неудивительно, что пускать не хотел. Но на всякий случай предупреждаю: у меня кровь никудышная...

– А может, и кромсаю, – ворчливо пробурчал я и пошёл на кухню ставить ему чай.

– Скажу по секрету, я всё видел, – загадочно шепнул он, – как у тебя глаза блестят, когда ты режешь подопытных зверушек. Но, слушай, это очумело красиво. Боюсь, мало кто оценит. Люди такие скучные. Занесут тебя в список чокнутых. Вообще рисуй ты нормальными красками, то можно было бы денюжат срубить. Хотя, думаю, я всё-таки могу их пихнуть. Есть двинутые ребята, помешанные на всякой мистике, и, думаю, они оценят.

– Я не собираюсь их продавать.

– Ну, ты бы и не смог. Уж извини, у тебя вид всегда такой угрюмый, будто ты упырь какой, да и молча ничего продать нельзя. Они тебя, конечно, могут принять за своего, ты внушаешь уверенность, что побывал в аду. Они даже молиться на тебя могли бы... Ты всё же жутковатый тип, уж не обижайся. У меня сначала у самого кровь в жилах стыла от тебя. Слушай, если дело выгодно, то буду брать всего двадцать процентов, по-дружески. Что тебе, деньги лишние?

– Ну, попробуй, – усмехнулся я.

Первые картины, как ни странно, ушли влёт. Мы стали их продавать. И продавать дорого...

Пока всё складывалось, но я всё время прислушивался и ждал, ждал, когда мне захочется убивать, так как мне всегда говорили, что рано или поздно – захочется. Однако пока даже мысль о том, чтобы ухайдакать кого-то топором, меня пугала.

Ночью раздался звонок, звонил отчим, у мамы был сердечный приступ, и он посчитал должным сообщить, что состояние её стабилизировалось, она в больнице.

Я кинулся к ней. Я впервые осознал, что когда-нибудь мама умрёт, и, скорей всего, я её переживу, от этого мне стало очень страшно. Я так много хотел бы ей сказать, так много объяснить, так много... Вдруг я не успею объяснить ей, как сильно её люблю, как хочу, чтобы она мной гордилась, как упорно стараюсь быть тем, кого она снова сможет полюбить.

В больнице меня ждали отчим с се-

строй. Она очень выросла, моя сестричка, она подошла и обняла меня. Обняла без страха, как когда-то мама, от этого у меня защемило сердце.

Однако, взглянув на отчима, увидев, как он испуганно переминается с ноги на ногу, я спустился с небес на землю.

– Послушай, я вот что думаю, э... Ну, думаю я, что ты зря, наверно, приехал. Маме твоей волноваться нельзя, а ты, ну сам же понимаешь, что ты её... Да и потом, она спит, – запинаясь начал бормотать он.

Я знал, что отчим прав, но всё же он меня жутко раздражал, узколобый идиот.

– Она моя мать, и увидеть её, думаю, я в праве.

С этими словами я прошёл в палату, мама действительно спала, в уголках глаз у неё лучиками были нарисованы морщинки. Я стоял и видел её такой беззащитной и несчастной. Стоял очень долго.

Вдруг она открыла глаза и, увидев меня, вздрогнула. Черты лица исказили неприязнь и страх.

– Держись подальше от моей семьи, и тем более от Ани, – сжав кулаки, слабым, но твёрдым голосом прошептала она.

Я почувствовал переполняющий её ужас, и сердце у меня ухнуло. Я резко развернулся и пошёл прочь, в глазах заципало.

– Подожди! – услышал я голос сестры. Я обернулся и увидел, что она порядком запыхалась, кажется, она уже долго бежала за мной.

– Не сейчас, Аня.

– Я слышала, что она сказала. Я думаю, ты должен знать. Она любит тебя. Мама любит тебя, я часто вижу, как она смотрит твои фотографии и плачет. Она просто боится...

– А ты не боишься?

– Нет, конечно. Ты всегда обо мне заботился. Я помню, ты очень добрый. Мне так жаль, что все не замечают, какой ты хороший... Просто ты другой, а люди боятся того, чего не понимают.

– Аня, если бы ты знала правду, ты не сказала бы так.

– Я знаю, когда я уговаривала маму мириться с тобой, она мне всё рассказала. Но я уверена, ты не такой, как твой отец, конечно, в чём-то вы схожи. Однако у тебя свой путь, ты не сделаешь никому больно. Я знаю.

К моему стыду, я распустил перед ней сопли. Не помню, чтобы я плакал, с тех пор как умер отец.

Она утешала меня, такая милая, добрая девочка – моя мудрая сестра.

На следующий день я уехал, но у меня появилась надежда, что я не стану к тридцати годам убийцей.